

П Р И Б А В Л Е Н І Я К Ъ В О Л О Г О Д С К И М Ъ Е П А Р Х І А Л Ъ Н Ы М Ъ В Ъ П О М О Щ Я М Ъ

(Г О Д Ъ С О Р О К Ъ С Е Д Ъ М О Й).

Феврѣля 15 № 4. 1911 года.

Памяти Преосвященнаго Алексія Епископа бывшаго Вологодскаго и Тотемскаго († 2 февраля 1911 года.).

Въ тиши и удивленіи, въ стѣнахъ родной обители ¹⁾ скончалъ свое земное поприще маститый старецъ — архипастырь, приблизившись къ возрасту, назначенному исамоуѣвцемъ въ качествѣ предѣльнаго даже для тѣхъ, кто „еще въ силахъ“. Усопшій старецъ-архипастырь былъ „въ силахъ“, и Богъ судилъ ему дожить до того момента, который является блаженнымъ удѣломъ немногихъ служителей Церкви ²⁾. По несовѣдимымъ сульбамъ Божиимъ, усопшій архипастырь не пережилъ этого момента; онъ скончался въ тотъ самый день, когда исполнилось *полвѣка* ревностнаго служенія его св. Церкви въ священномъ санѣ. Богъ не судилъ ему лишь услышать связанныя съ этимъ событіемъ привѣтствія. Въ отвѣтъ на тѣ изъ этихъ привѣтствій, которыя были посланы напр. изъ далекаго отъ Арзамаса Петербурга ³⁾, было краткое „скончался“. Усопшій архипастырь въ послѣдніе годы своей въ общемъ полной трудами жизни уже не несъ бремени пастырскаго управленія. Онъ удалился отъ несвойственныхъ старческому возрасту трудовъ, связанныхъ съ управленіемъ епархіей, удалился „на покой“. Въ древнѣйшія времена глубокаго язычества въ возрѣніи на старческой возрастъ господствовало пренебреженіе и даже жестокость, ибо онъ почитался не только явно бесполезнымъ, но еще при этомъ и обременительнымъ. Христіанство уничтожило этотъ взглядъ; грубость и пренебреженіе уступили мѣсто заботливости, уваженію и почтенію въ отношеніи къ старческому возрасту. Но и въ настоящее время обыденный взглядъ складывается болѣе въ ту сторону, что воздаваемая старческому возрасту заботливость и почтеніе являются лишь наградою за прежніе труды и заслуги, самъ же по себѣ старческой

¹⁾ Спас-преображенскій монастырь въ г. Арзамасѣ Нижегородской губ.

²⁾ 2 Февраля 1911 г. исполнилось 50-лѣтіе служенія Преосвященнаго въ священномъ санѣ.

³⁾ Телеграмма Преосвященнаго Николая, Епископа Вологодскаго, и телеграмма группы вологжанъ-студентовъ С.П.В. дух. академіи.

возрастъ разсматривается какъ состояніе безличности, безхарактерности и лишь терпимости. Основаніемъ для этого несомнѣнно является то обстоятельство, что для старческаго возраста немислима настоящая активная работа и отъ нея лица этого возраста должны необходимо удаляться. Усопшій старецъ-архипастырь также удалился отъ активной работы, но это удаленіе не означало перехода въ состояніе безличности и ненужности. Прежде всего, и вообще старческой „покой“ не есть бездѣйствіе, но свойственная именно специально этому возрасту дѣятельность. Это та дѣятельность, которая, при своей видимой пассивности, на самомъ дѣлѣ является чрезвычайно активной. Ее мы могли бы сравнить съ дѣятельностью тѣхъ св. отшельниковъ, которые вдали отъ людей, въ уединеніи занимались самовоспитаніемъ, возвышеніемъ духа надъ плотью путемъ поста, молитвъ и подвиговъ. Эти св. отшельники были, повидимому, далеки отъ активного воздѣйствія на своихъ современниковъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ они оказывали на нихъ самое могущественное воспитательное вліяніе, являясь какъ бы свѣточами, огоньками, указывающими пути къ Богу, постояннымъ живымъ напоминаніемъ о томъ, что есть для всѣхъ „единое на потребу“. Старческий возрастъ благодаря своимъ особымъ свойствамъ, можетъ быть, и незамѣтно для непривыкшаго къ глубокому, серьезному анализу „смысла человѣческой жизни“ зацѣпавшагося въ свѣтяхъ обыденныхъ, житейскихъ интересовъ человѣка, оказываетъ могущественное воспитательное вліяніе. Не говоря уже о томъ, что въ старости повторяется чистота дѣтскаго возраста, что для нея земные идаль, доминирующіе въ болѣе раннемъ возрастѣ, теряютъ свою притягательную силу, не говоря уже объ этомъ, старческому возрасту присуща, на ряду со смиреніемъ, заступившимъ мѣсто гордости юнаго и зрѣлаго возрастовъ, на ряду съ нимъ присуща та дальновидность, которая выражается въ способности видѣть за ближайшими причинами часто неусматриваемую людьми Высшую Первопричину. Отсюда именно беретъ свое начало то, что составляетъ наиболѣе характерную черту старческаго возраста и что мы можемъ обозначить, какъ *потребность жить въ Богѣ*. Къ удовлетворенію этой потребности, къ жизни въ Богѣ и стремился упокоившійся архипастырь, удаляясь отъ дѣлъ управления обширной Вологодской епархіей въ обитель „на покой“ (не тѣлесный, конечно, покой, хотя и онъ также потребность этого возраста, но покой душевный). Здѣсь онъ искалъ

успокоенія отъ тѣхъ безусловно многочисленныхъ и крайне обременительныхъ для старца трудовъ по управленію епархіей, которые онъ умножалъ еще своимъ неустаннымъ рвеніемъ, своимъ доходящимъ до ревности стремленіемъ сдѣлать все своими руками, сдѣлать такъ, чтобы можно было со спокойной совѣстью сказать: исполнено такъ, какъ того требуетъ справедливость. Онъ былъ настолько проникнутъ сознаніемъ важности и отвѣтственности административныхъ обязанностей, связанныхъ съ положеніемъ епископа обширной епархіи, что когда увидѣлъ, что его силы становятся недостаточными для того, чтобы съ тою же ревностью нести архипастырскіе труды, онъ удалился въ родную обитель, надѣясь найти здѣсь себѣ покой душевный, а по скончаніи опредѣленнаго волею Божіею земного поприща, и упокоеніе для своего тѣла. Теперь же воля Божія исполнилась и одряхлѣвшее отъ старости тѣло освободило заключавшійся въ немъ могучій духъ.

Большую часть своего архипастырскаго служенія упокоившійся посвятилъ Вологодской епархіи, и въ исторіи послѣ ней имя его будетъ несомнѣнно въ числѣ выдающихся архипастырей. Здѣсь не мѣсто для подробной характеристики дѣятельности почившаго архипастыря за время управленія Вологодскою епархіей. Для этого нуженъ спеціальныи трудъ и, безъ сомнѣнія, другое, болѣе подходящее для историческаго суда время. Мы можемъ лишь выразить то общее впечатлѣніе, которое оставилъ на себѣ упокоившійся. А въ этомъ отношеніи мы не можемъ ничего сказать болѣе лучшаго и справедливаго, какъ только то, что упокоившійся былъ великій труженикъ. Онъ жилъ своею работою, вкладывалъ въ нее свою душу, какъ бы отождествлялся съ нею, устремлялъ на нее все стороны своего духа. Всякое дѣло онъ ревниво оберегалъ отъ прикосновенія чужой, подчасъ небрежной, неаккуратной руки. Предметъ его работы былъ для него какъ бы частью его личности. Какъ бы мала и незначительна, повидимому, была работа, онъ одинаково относился къ ней съ обычною для него тщательностью. Эта тщательность или, лучше, постоянная серьезность въ работѣ, это вкладываніе въ нее всего себя является характерною чертою жизни и дѣятельности усопшаго. Она есть слѣдствіе той внутренней душевной дисциплины, какъ плода долготѣней и упорной культуры духа, которая обнаруживается какъ въ неуклонномъ исполненіи самому себѣ предъявляемыхъ требованій, такъ и въ ревностномъ желаніи

видѣть то же самое и въ другихъ. Этою именно чертою характера почившаго архипастыря объясняются всѣ особенности его мѣропріятій по управленію Вологодскою епархіей. Онъ самъ любилъ трудъ, трудъ тщательный, добросовѣстный, того же требовалъ и отъ другихъ. Эта требовательность въ исполненіи того, что принято называть обязанностью, долгомъ, можетъ быть, отчасти заслоняла для поверхностнаго наблюденія *любовобильность его сердца*, эту другую характерную для него черту. Онъ любилъ свою вѣстувъ любовью отца, болѣлъ и скорбѣлъ ея нуждами. Онъ сроднился съ нею, такъ что и въ удаленіи (да позволено мнѣ будетъ указать въ полтверженіе этого на личныя сношенія съ усвоившимъ уже за время его пребыванія въ Арзамасѣ) сохранилъ ее въ сердцѣ своемъ.

Эо былъ *гуманный* архипастырь, чуткій къ нуждамъ другихъ, всегда готовый помочь совѣтомъ, утѣшеніемъ, наставленіемъ и матеріальной поддержкой. Можно было бы привести безчисленное количество фактовъ этого рода, но отложимъ это до другого времени. Здѣсь же достаточно будетъ указать на то, что деревенскій мальчикъ изъ бѣдной крестьянской семьи, не имѣвшей, къ нечю, ни малѣйшей возможности даже мечтать о томъ, чтобы дать ему какое либо другое образованіе, свѣсъ вачальной школы, этъ мальчикъ, благодаря лишь исключительно гуманной отзывчивости упокоившагося, оказался на той дорогѣ, которая въ настоящее время привела его уже къ окончанію высшей богословской школы.

Да, это былъ чуткій сердцемъ, благодостный архипастырь. Это былъ великій труженикъ и усердный молитвенникъ. Милость Божія да будетъ тебѣ, святитель, велика на небесахъ!

Студентъ С.-Петербургской дух.

академіи *Николай Коноваловъ.*

ВОСПОМИНАНІЯ ПРИЧЕТНИЧЕСКАГО СЫНА.

(Продолженіе.)

Х.

Къ ночи на 16-ое іюля 1862 года въ семинаріи оупустѣло. Чувствовалось безлюдье и тишина. Въ бурѣ остались только тѣ, кто назначень былъ для поступленія въ академію. да человекъ десять по своимъ обстоятельствамъ, а у насъ въ канцеляріи семичарскаго правленія осталось письмоводителей только тѣсе. Пусто и скучно. Не хотѣлось мнѣ, помнится, ни гулять, ни писать, ни читать. И, скоротавъ кое какъ вечеръ, вся наша

маленькая канцелярія завалилась спать. Но спокойно проспать эту ночь намъ не пришлось. Около 2 хъ часовъ ночи слышу, что меня будить кто-то и говоритъ: „вставай скорѣе, спать не время“. Смотрю, передо мною одинъ изъ близкихъ товарищей Е. И. Р—ъ въ замѣтно возбужденномъ состояннн духа. — „Ты откуда? (онъ былъ бурсакъ) — Что случилось? Разказывай“. Между тѣмъ пробудились и мои товарищи. — Слушайте же! Румянцевъ арестованъ, выпалилъ Е. И. .... чь. — Какъ? Когда? Гдѣ? Почему? послышались отъ насъ тогда въ испугъ тревожные вопросы. Тогда нашъ полуночный вѣстникъ сообщилъ намъ слѣдующее. — „Отъ нечего дѣлать сегодня вечеромъ я зашелъ на квартиру Румянцева, гдѣ еще ни самъ онъ, ни товарищи не разъѣхались по домамъ. Разговоръ завязался оживленный, время шло не замѣтно, да никто на время не обращалъ и вниманія. Вдругъ входитъ неизвѣстный человекъ и говоритъ: здравствуйте господа! Здѣсь квартира воспитанника семинарии А. И. Румянцева? Ему отвѣчаетъ Румянцевъ: — да, здѣсь. Что угодно? Но вмѣсто отвѣта незнакомецъ, пріотворяя входную дверь, говоритъ: пожалуйста! Въ слѣдъ за этимъ вошла въ квартиру группа изъ новъ, во гла вѣ съ жандармскимъ полковникомъ Зорьямъ. Между ними былъ священникъ, ректоръ д. училища о. Алексѣй Яковлевичъ Поповъ. — Мы поняли, что дѣло плохо, нежеланные гости появились не просто. Дѣйствительно сейчасъ же начался допросъ и обыскъ. У Румянцева потребовали всѣ бумаги и книги о. Алексѣя Яковлевича стали возражать: „Зачѣмъ же всѣ? Мало ли ихъ. Да и не нужныхъ тутъ сколько!“ И стали нѣкоторыя изъ особенно важныхъ отбрасывать. Полковникъ замѣтилъ и остановилъ его. Румянцева, Кедровскаго и еще кого-то арестовали, а остальныхъ, записавъ, отпустили. У Е. И. въ комиссіи кто то изъ членовъ оказался знакомымъ; онъ успѣлъ сообщить, что это дѣло возникло въ Никольскомъ уѣздѣ, гдѣ арестованъ и сегодня вечеромъ привезенъ въ Вологду воспитанникъ же семинаріи Иванъ Благовѣщенскій. У него найдены въ бумагахъ записки и статьи, компрометирующія другихъ семинаристовъ и больше другихъ Румянцева. Вотъ почему и производится обыскъ прежде всего у Румянцева. Несомнѣнно онъ будетъ сдѣланъ и въ семинаріи завтра же, или точнѣе сегодня же. Послѣ этого я юркнулъ незамѣтно въ кухню, а оттуда и сюда. Обыскъ будетъ здѣсь безъ сомнѣнія. Скоро, будьте готовы, а я пойду разбирать свои бумаги и будить бурсаковъ. „Вотъ ужъ свѣтаеть,

надо спѣшить“. Что тутъ было дѣлать? У меня различныхъ выписокъ изъ разныхъ авторовъ, журналовъ, легальныхъ и не легальныхъ, печатныхъ и литографированныхъ была масса. И обратиться въ нихъ не было никакой возможности, потому что записывано было худое и доброе рядомъ, въ однихъ и тѣхъ же тетрадяхъ, да и времени было въ распоряженіи мало. И такъ, собравъ рукописные грѣхи своей юности и невѣденія и со скорбію поглядѣвъ на нихъ, открылъ я въ своей спальнѣ (у письмоводителей была особая спальня) печку, уложилъ туда свои бумаги, подложилъ огонька, сидѣлъ и глядѣлъ, какъ въ нѣскольکو минутъ уничтожились мои не разумные, но многолѣтніе труды. Еще не было и 6 часовъ утра, какъ извѣщенный раннимъ утромъ о начавшемся дѣлѣ о. ректоръ, арх. Іонаанъ, призвалъ меня къ себѣ, разразился гнѣвомъ и яростію.— „Знаешь-ли“, какъ нецъ сказалъ онъ, „что арестованы, Румянцевъ, Кедровскій, Благовѣщенскій и другіе, что сейчасъ прибудетъ тайная полиція сюда и арестуетъ всѣхъ насъ, вотъ и долибера бничали до тюрьмы, да и семинарію обеззавили“—Знаю, что случилось, отвѣчалъ я, и конечно скорблю, но за письмоводителей и бурсаковъ на безпокойтесь. У насъ полиція не найдетъ ничего, и нашихъ бумагъ не найдетъ ни у кого изъ арестованныхъ.—Если мы и читали кое-что изъ нелегальной литературы, то только изъ любопытства, а распространеніемъ завиральныхъ идей не занимались, подобно Благовѣщенскому, котораго лично я даже и не знаю.“ О. ректоръ какъ будто поуспокоился нѣсколько и сказалъ: „ждите допросовъ и обыска, сейчасъ нагрянетъ полиція“. И полиція дѣйствительно не больше какъ черезъ часъ пожаловала въ семинарію, начавъ обыскъ съ вашей канцеляріи. Во главѣ комиссіи былъ тотъ-же, что и вчера, полковникъ Зоринъ, но депутатомъ съ духовной стороны былъ уже не о. Алексѣй Яковлевичъ, устранимый епископомъ по жалобѣ полковника, заподозрившаго его въ содѣйствіи къ укрывательству, а о. протоіерей Всеволодъ Писаревъ. Обыскивали внимательно, перебросали дѣла даже въ архивъ, поспрашивали насъ о Герценѣ, Бакунинѣ и другихъ эмигрантахъ, о „Колоколѣ“, Фейербахѣ и непечатныхъ стихотвореніяхъ, приписывавшихся Некрасову. Отвѣтъ у насъ былъ короткий: „или слышали только, но читать не случалось, или и не слышали даже“. Полковникъ пожималъ плечами, выдумывалъ дипломатическіе вопросы, но всё безуспѣшно. Такъ, появившись

въ первомъ номерѣ семинарскаго общежитія, гдѣ ожидала группа учениковъ, только что окончившихъ семинарскій курсъ, онъ говорилъ: „вотъ вы, господа, кончили образованіе, которое и дано вамъ для того, что бы съ успѣхомъ послужить народу. Заботливые изъ васъ, безъ сомнѣнія, запаслись и такими книжками и записками, которыя могутъ быть особенно полезными. Интересно бы посмотрѣть ихъ. Позвольте взглянуть у кого онѣ есть.“ Большая часть воспитанниковъ отвѣчала полковнику, что они ничего особеннаго для народа не имѣютъ, что всѣ книги и руководства они найдутъ на мѣстахъ, гдѣ суждено будетъ служить. Но Евгенийъ Ивановичъ Рукінъ поступилъ иначе; когда полковникъ поставилъ ему вопросъ: у васъ нѣтъ-ли чего для народа?— „Есть, есть, полковникъ“, отвѣчалъ онъ, „не важная конечно вещь, но, думаю, необходимая“. И подаль ему азбуку. Положеніе полковника стало не изъ завидныхъ, но пилюлю пришлось проглотить. Такъ слѣдственная коммиссія и не нашла въ семинаріи ничего, не зашла и на другія квартирахъ ничего важнаго и занялась разсмотрѣніемъ бумагъ, збранныхъ у Благовѣщенскаго и въ квартирѣ Румянцева. Былъ и еще курьезъ, когда слѣдственная коммиссія отбирала показанія по настоющему дѣлу отъ кончившаго курсъ семинаріи Николая Васильевича Кедровскаго, бывшаго уже подъ арестомъ. Призванный въ слѣдственную камеру Кедровскій приглашенъ былъ, въ присутствіи членовъ коммиссіи давать письменныя показанія на рядъ вопросовъ, уже равнѣ поставленныхъ въ слѣдственномъ дѣлѣ, но писать ихъ начерно не позволялось. — „Просмотрѣлъ эти вопросы, между коими оказались и такіе на которые дать удовлетворительный отвѣтъ было не легко“, — рассказывалъ потомъ Кедровскій. „Посидѣлъ, подумалъ и сталъ писать, не торопясь, отвѣты, хотя полковникъ и торопилъ меня. Закончивъ отвѣты понятно, я сталъ читать свои показанія и, къ ужасу своему, замѣтилъ, что раза два впалъ въ противорѣчіе. Что тутъ дѣлать? Переправлять показаній было нельзя, о чемъ и сдѣлано было предупрежденіе. Рѣшилъ я на смѣлую выходку, — взявъ, вмѣсто перьевъ, чернильницу и заливъ чернилами слѣдственное дѣло, самъ-же и закричалъ, батюшки, что я надѣлалъ!... — „Ахъ, ахъ! Что вы! Какъ это можно?“ — Да, видите я ошибся... — „Пишите снова, послѣдовало наконецъ распоряженіе. А мнѣ это только и было нужно. Теперь противорѣчій въ моихъ показаніяхъ уже не было“, говорилъ Кедровскій. Такимъ образомъ отъ ареста Кедров-

скаго освободили скоро. Скоро же за тѣмъ и поступилъ онъ на службу въ канцелярію Вологодскаго губернатора, былъ здѣсь помощникомъ правителя канцеляріи, потомъ, оставаясь подъ негласнымъ надзоромъ полиціи, долго служилъ въ Устюгѣ секретаремъ земской управы, а умеръ отъ холеры въ Тифлисѣ.

Быль ли еще кто-нибудь арестованъ, кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, я не помню, но знаю, что привлекалось къ дѣлу еще нѣсколько человекъ изъ учениковъ семинаріи, кончившихъ курсъ и не кончившихъ, съ производствомъ обыска. Быль сдѣланъ обыскъ и у о. ректора Вологодскаго д. училища Алексѣя Яковлевича Попова, но конечно нигдѣ ничего не легальнаго не оказывалось и въ показаніяхъ никто не пугался. Полковнику Зорину особенно хотѣлось обвинить въ пропагандѣ если не политическаго, то религіознаго вольномыслія о. А. Я. Попова о которомъ онъ зналъ что онъ былъ пріятель въ дворянскомъ кругу и уважаемъ гражданами и епископомъ, не говоря уже о его воспитанникахъ и сослуживцахъ. Съ прекрасными душевными качествами, любознательный и просвѣщенный человекъ, строго православный, трудолюбивый и ревностный пастырь, о. Алексѣй Яковлевичъ былъ однимъ изъ тѣхъ уважаемыхъ особъ, которые являлись въ то время достойнѣйшими представителями и украшеніемъ Вологодскаго духовенства. Но обвинять этого человека, какъ и всѣхъ учениковъ семинаріи, въ пропагандѣ политическаго и религіознаго свободомыслія, кромѣ Благовѣщенскаго, слѣдственной комиссіи не удалось. Да пропаганды и не было. Если и читали мы попадавшіеся намъ елиженки направленія отрицательнаго, то читали дѣйствительно изъ любопытства, и кое кто для того, что бы, при случаѣ, побравировать широтою свѣдѣній и взглядовъ передъ своими преподавателями, или мыслящими товарищами. Ивана Благовѣщенскаго я не зналъ и не встрѣчался съ нимъ даже въ семинаріи, Румянцева, по окончаніи семинаріи, потерялъ изъ виду, о Кедровскомъ знаю, что онъ оставался мыслителемъ либеральнымъ до почтеннаго возраста, о Яковѣ Андреевичѣ Соколовѣ ничего не знаю, а обо всѣхъ остальныхъ товарищахъ, увлекавшихся въ юности либеральными произведеніями, я долженъ сказать, что всѣ они благополучно поступили въ свое время или въ высшія учебныя заведенія, или на службу по духовному и гражданскому вѣдомствамъ и съ честію и достоинствомъ исполняли, а нѣкоторые и до сего времени исполняютъ свои служебныя обязанности. И наше слѣдственное дѣло, такъ горячо начатое сначала, продолжалось вяло. Мнѣ извѣстно,

что, отъ нѣкоторыхъ привлекавшихся къ нему лицъ показанія отбирались въ концѣ октября, если не въ ноябрѣ, мѣсяцъ хотя и того же 1862 года. И кончилось оно безрезультатно. Пострадали или нѣтъ скольконибудь развѣ Благовѣщенскій и Румянцевъ. Всѣ же остальные отдѣлались одними показаніями, давать которыя было не трудно, такъ какъ ни у кого цента ничего не найдено и въ пропагандѣ никто уличенъ не былъ. Въ автобіографическихъ запискахъ Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепа Тверскаго, бывшаго тогда ректоромъ Московской д. академіи (т. 2, стр. 786) занесено официальное донесеніе его оберъ-прокурору Св. Синода А. П. Ахматову отъ 5 окт. 1862 г. по настоящему дѣлу. Нахожу не лишнимъ привести это донесеніе здѣсь подлинникомъ. По порученію Вашего Превосходительства, я требовалъ отъ ректора Вологодской семинаріи обстоятельныхъ свѣдѣній по дѣлу объ открывшихся между учениками семинаріи неблагонамѣренныхъ сочиненіяхъ и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

Неблагонамѣренныя сочиненія (Искандера и др.) найдены у четверыхъ учениковъ, а именно: у уволеннаго изъ семинаріи Благовѣщенскаго, проживавшаго въ домѣ отца своего въ Никольскомъ уѣздѣ, у окончившаго курсъ семинаріи Румянцева и у двухъ братьевъ Соловьевыхъ, изъ коихъ одинъ Яковъ кончилъ нѣтъ курсъ, а другой Петръ поступилъ въ высшее отдѣленіе семинаріи (послѣдніе трое изъ Новгородской епархіи). Внезапные и строгіе обыски произведены были и у другихъ многихъ учениковъ, но предосудительнаго ни у кого ничего не найдено. Ученикъ Благовѣщенскій на допросахъ слѣдственной комиссіи показавъ, что найденныя у него сочиненія получены имъ отъ студента университета Фрязиновскаго, какъ это подтвердилъ и послѣдній, и что одно изъ этихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: „Что нужно Русскому народу“ давалъ онъ, по глупости, крестьянину Малыгину, который, какъ неграмотный показавъ оное причетнику, а этомъ сказалъ Малыгину, что сочиненіе это не годное, и Малыгинъ донесъ о семъ исправнику, который, обыскавъ Благовѣщенскаго и Фрязиновскаго, арестовалъ того и другого. Румянецъ показавъ, что возмутительныя сочиненія списывалъ онъ съ тетрадей, взятыхъ имъ у гимназиста Невѣнскаго, что списывалъ ихъ изъ одного любопытства, отчюдъ не сочувствуя ихъ содержанію и читать ихъ никому другому не давалъ. Послѣ такого показанія Румянцева естественно и необходимо бы-

ло бы тотчасъ же обыскать квартиру Невѣнскаго, но она обыскана была спустя уже нѣсколько дней и потому, можетъ быть, въ ней ничего предосудительнаго не найдено. Невѣнскій же, спрошенный уже черезъ мѣсяць, въ дачѣ Румянцеву тетрадей не признался и при очной ставкѣ отказался даже и отъ знакомства съ Румянцевымъ. Яковъ Соколовъ показалъ, что найденныя въ его квартирѣ тетради принадлежать брату его Петру Соколову. Последний отозвался, что эти тетради остались у него послѣ умершаго съ годъ тому назадъ ученика Мурашева. Читая ихъ Соколовъ никому не давалъ и содержанію ихъ не сочувствовалъ. Въ числѣ сихъ тетрадей оказался журналъ, писанный лучшими по дарованіямъ учениками въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1860 года, подъ названіемъ „Quodlibet“, заключающій въ себѣ до 7-ми ученическихъ сочиненій, изъ коихъ одно подъ заглавіемъ: „Взглядъ на наши секретныя собранія“, обратило на себя особенное вниманіе комиссіи. Авторъ этого сочиненія ученикъ Кедровскій и другой сотрудникъ журнала согласно показали, что они въ концѣ 1860 года собирались, въ числѣ чловѣкъ 10-ти, въ квартиру Румянцева, для чтенія и критики собственныхъ сочиненій. Секретными же собранія эти Кедровскій назвалъ потому, что на нихъ читались, хотя и невиннаго содержанія сочиненія, но писанныя безъ вѣдома начальства. Но упомянутый выше ученикъ Благовѣщенскій показалъ, что, по слухамъ, до него дошедшимъ, на собраніяхъ въ квартирѣ Румянцева читались лекціи какого-то неизвѣстнаго ему нѣмецкаго философа, которыя будтобы пріобрѣтены были чрезъ ученика Славина отъ священника Алексѣя Попова (ректора училища ¹). Славинъ, на допросѣ комиссіи въ Никольскѣ, показалъ, что онъ видалъ у дяди своего, ректора училища Попова „ученіе о сущности религіи“ нѣмецкаго философа Фейербаха, но самъ его не читалъ, а однажды тайно отъ дяди давалъ читать товарищу Кедровскому. На основаніи этого показанія, у ректора Попова, не смотря на возраженія со стороны Преосвященнаго, ²) сдѣланъ былъ внезапный и строгій обыскъ, но ничего предосудительнаго не было найдено. Ученикъ Кедровскій относительно сего показалъ, что разъ онъ дѣйствительно просилъ у Славина книгу для чтенія, и тотъ давалъ ему „ученіе о религіи“, которое ему понравилось и съ котораго

¹) Алексѣй Яковлѣвичъ Поповъ, въ монашествѣ Павелъ, магистръ XVII курса (вып. 1850 г.) Московской д. академіи, впоследствии (съ 1868 года) Епископъ Тотемскій. Сконч. въ 1874 году.

²) Епископъ Волог. Христофоръ (Еммаусскій) сконч. въ 1872 году.

онъ успѣлъ даже списать нѣсколько листовъ, которые и представилъ въ комиссію. Какого автора это ученіе, онъ навѣрное не знаетъ; одни изъ товарищей говорили ему, что это ученіе Пресвященнаго Иннокентія (Борисова), другіе, что оно покойнаго профессора Голубинскаго ³⁾, въ дѣйствительности же покойнаго Пресвященнаго Иннокентія.

„Вотъ въ какомъ видѣ представляется весь ходъ дѣла“, такъ заканчиваетъ свое донесеніе о. ректоръ Московской академіи оберъ-прокурору Ахматову. Изъ него открывается, что ректоръ училища священникъ Поповъ едва ли много виноватъ. А если принять во вниманіе отзывъ ректора семинаріи и другихъ извѣстныхъ ему лицъ, рекомендующихъ его, какъ чловѣка честнаго, весьма религіознаго и благонамѣреннаго, то едва ли будетъ справедливо подозрѣвать его въ неблагонамѣренномъ распространеніи зловредныхъ и возмутительныхъ сочиненій. И о. Алексѣй Яковлевичъ оставленъ былъ внѣ подозрѣній, какъ и большинство учениковъ семинаріи, привлекавшихся къ дѣлу по случайнымъ обстоятельствамъ. Запутается напр. какой-нибудь растерявшійся чловѣкъ въ своихъ показаніяхъ, принуждаетъ и другихъ. Такъ расширились обыски и допросы по крайней мѣрѣ 3 мѣсяца и все изъ-за пресловутаго Фейербарха и только въ концѣ 1862 года наконецъ они прекратились. Лично мнѣ это дѣло, кромѣ уничтоженія всѣхъ моихъ выписокъ и записокъ, принесло еще ту непріятность, что я принужденъ былъ оставить должность писмоводителя семинарскаго правленія, хотя и по прошенію и съ приличнымъ аттестатомъ, но все-таки, въ виду охлажденія ко мнѣ начальства, между тѣмъ какъ не я былъ собственно виною обыска канцеляріи, а Славинъ, бывшій также писмоводителемъ семинарскаго правленія и уѣхавшій по окончаніи курса на родину. Но горе мое заключалось въ томъ, что я любилъ иногда щегольнуть какой-нибудь либеральной глупостью даже въ классныхъ сочиненіяхъ. Пока было тихо, всѣ молчали и мирволили г.г. начальствующіе, а о. ректоръ Іонаанъ разрешалъ даже открыто читать хотябы тогоже Фейербаха, не увлекайтесь молъ только его идеями, а какъ только возникло непріятное дѣло, благодаря видимой распущенности семинаріи, и стало тогда весьма непріятно присутствіе тѣхъ, кого считали они либералами, называя насъ „горячими головами“, а урожденцевъ Новгородской епархіи

³⁾ О. о. Александровичъ Голубинскій прот. проф. Моск. д. академіи Скопц. въ 1854 г.

«племенемъ отъ Маро отъ посадницъ». Всѣ мы были въ такомъ восторжествѣ, юномъ что не умели быть убѣжденными отрицателями и дѣйствительно не были ни анархистами, ни безбожниками, ни протестантами. Не доведствуясь схоластическими Гуровыми и скудными свѣдѣніями, канія давала намъ (семинарія, мы желали учиться и знать и искали познаній вездѣ уже, кто гдѣ и что, независимо отъ семинарской администраціи и того жалкаго воспитательнаго института, который назывался инспекціей. Допустимъ, читали мы не мало потягого, чего не следовало-бы, но въ то же время читали мы не одинъ «Современникъ», и не однихъ въ Фейербаховъ и Герценовъ, насчитали мы со всѣмъ вниманіемъ и духовные журналы и «Домашнюю бесѣду», читали Филаретовъ, Иннокентіевъ, Болубинскихъ, Юркевичей, а главное, олюбили мы новую св. православную Христову церковь и церковную молитву. Старшіе нашими Дученіями семинаріи, удевической бібліотеки, изыскаше для меня предствѣніе издание своего рукописнаго журнала, всё это показало-бы, ясно свидѣльствовало о томъ, вчего не доставали намъ и тѣ, чѣмъ мы нуждаемся. А тамъ начальство держало въ сторонѣ, какъ будто оно или не осознавало своего долга и нужды съотрѣть за развитіемъ и направленіемъ нашимъ, или съ очень доврчивою относилось въ намъ, или не находило въ себѣ способности и силы умѣло руководить нами. Какъ бы то ни было, по моему первому предположенію я нахожу невѣроятнымъ, второе различало бы въ начальствѣ отсутствие пониманія психологіи юности, нечто также редвали допустимо, и столько въ послѣднемъ предположеніи, при онѣ которыхъ дополнительныхъ условіяхъ, есть возможность оуматривать причины распущенности семинаріи, закончившейся не пріятнымъ видѣломъ и наложившей на нее грязное пятно на вѣкоторое время. Но никакъ это могло случиться? Какъ семинарская молодежь ушла изъ подъ вліянія семинарскаго начальства, молодежь честная, религіозная, амыслящая? Безъ причины ничего не бываетъ. Въ данномъ случаѣ ихъ было много. Сваж охотѣнъ несколько словъ въ объясненіе печальнаго явленія, имѣющаго мѣсто въ нашей семинаріи въ 1862 году, по своему пониманію. Въ нашемъ курсѣ въ богословскомъ классѣ было вѣсело больше ста человекъ. Изъ нихъ, околосполовины, были олюди весьма даровитые, любознательные и о работоспособные, могодушкой и человекъ 5—6, рѣшительно блистали способностями. Такъ на письменныхъ работахъ, по философскимъ и богословскимъ предметамъ бывали отмѣтки по 5+; вспоминаю Я. д. О.

Колова. По зрѣлости и основательности мышленія ни мало не
 уступалъ ему П. В. Богословскій, обучавшійся потомъ въ Мо-
 сковской академіи и затѣмъ въ Московскомъ университетѣ,
 въѣхавъ въ Петербургъ при поступленіи, онъ произвелъ фуроръ своею первою письменною
 работою, съ которою носился профессоръ цѣлыя мѣсяцы. (Ив.
 Ник.) Преображенскій былъ и безблестристъ и проповѣдникъ.
 Дим. Александровичъ Олеховъ — мыслитель также серьезный, а
 по изяществу изложенія мыслей на бумагѣ, чистотѣ языка, аргу-
 ментации это былъ нашъ Тургеневъ, а между нами конечно первый.
 Нѣкоторые, если только не всѣ изъ б. гословскихъ сочиненій и
 проповѣдей Олехова и еще одного изъ его товарищей такъ по-
 правились о ректору нашему, архим. Іоанну, что, не смотря
 на всѣ хлопоты, они не могли получить ихъ обратно. — „Никакъ
 не могу найти господа, затерялись“, — отвѣчалъ онъ имъ, а на ихъ
 многократныя просьбы о возвращеніи ихъ сочиненій. Но кто же
 этому повѣритъ? Но продолжимъ обзоръ причинъ. Учились мы
 въ семинаріи съ 1856 по 1862 годъ, т. е. какъ разъ въ то
 время, когда съ восшествіемъ на престолъ Императора Алек-
 сандра II-го началось оживленіе общественной мысли, заговори-
 ли о прогрессѣ, стала быстро развиваться — свѣтская и духовная
 журналистика, когда даже въ Вологдѣ открыта была публичная
 библиотека. Въ то же время появляются въ ряду семинарскихъ
 преподавателей новые люди, премоветъ академической тесноты,
 люди стали ятливые, думющіе возбудить и поддержать любозна-
 тельность въ юношахъ. Они не учили насъ безардному афе-
 ральничанью, но будили мысль, разбирая то или другое бите-
 ратурное произведеніе, или наши сочиненія, будили самымъ
 окончено невиннымъ образомъ. А мы, анализируя ихъ гужденіе,
 ищали уже свои заключенія, мы хотѣли расширять свои скуд-
 ныя школьныя познанія, хотѣли читать и читать не только то,
 что должны были знать по семинарской программѣ, но и шире
 и больше. Мы знали, что есть теченія челоавческой мысли кон-
 сервативныя и прогрессивныя. Намъ казалось необходимымъозна-
 комиться, по мѣрѣ силъ и возможности, болѣе, или менѣе осно-
 вательно съ тѣми и другими. Мы пошли въ библиотеки публич-
 ную и частныя къ знакомымъ людямъ и стали читать уже не
 однихъ духовныхъ авторовъ, но родни духовные журналы, и не
 одни свѣтскіе консервативные, а самые передовые, прогрессив-
 ные журналы. Такъ постепенно и, пожалуй, нечувствительно по-
 дошли мы къ дереву познанія добра и зла, а если подошли,

то развѣ мыслимо для юности удалиться отъ него, не покушавъ заманчивыхъ по виду и аромату его губительныхъ плодовъ! Притомъ же мы видѣли, что за вами не смотрятъ и васъ ни отъ чего не предостерегаютъ, еще со времени о. ректора архим. Ювеналія, въ послѣдніе годы почему-то совершенно равнодушно относившагося къ худому и доброму въ семинаріи. Наша инспекція, въ лицѣ іеромонаха Григорія Воннова, бессильная умственно и нравственно, какъ было замѣчено раньше, бездѣйствовала. Этотъ удивительный человекъ, хотя былъ и магистръ, наивный и односторонній, возбуждалъ только насмѣшки. Не думаю, чтобы онъ звалъ, что были въ Россіи напр. Грановскіе и Бѣлинскіе, что инспектируемыхъ имъ воспитанниковъ семинаріи увлекаетъ не въ мѣру журналъ „Современникъ“, что они давно уже зачитываются поэзіей Н. Красова, романами Тургенева, статьями Добролюбова и Чернышевскаго. А если звалъ и видѣлъ, что мы увлекаемся и идемъ неправильно, то почему не останавливалъ васъ такъ, или иначе, какъ умѣлъ? О. ректоръ преслѣдовалъ только одну водку и то отечески, всегда безъ горькихъ послѣдствій для виновныхъ. Натолкнется на выпившихъ, — на шумитъ, подвернется водка, — водку расплещетъ, и дѣлу конецъ. Помощники инспектора, — ихъ было трое, — въ виду этого относились къ вамъ равнодушно и безучастно. Что касается г.г. профессоровъ и учителей нашихъ, то они довольствовались исправленіемъ своихъ прямыхъ обязанностей по предметамъ преподаванія, предоставляя всю заботу о нравственномъ направленіи своихъ воспитанниковъ начальству. Только не многіе изъ нихъ, и то у близко стоявшихъ къ нимъ учениковъ ихъ, любопытствовали при случаѣ о томъ, что они читаютъ и чѣмъ занимаются на досугѣ, а порой и помогали разобрать критически какуюнибудь литературную новинку, или считали долгомъ подать совѣтъ и сдѣлать своевременное предостереженіе, какъ и было уже замѣчено раньше. Если интересуетъ васъ, любезный читатель, вопросъ, что читали семинарскія власти и г.г. преподаватели нашего времени, то и въ этомъ случаѣ я могу посильно удовлетворить ваше любопытство. Надо помнить, что содержаніе семинарій тогда вообще было скудное, а содержаніе преподавателей положительно нищенское, — 350 руб. въ годъ, да по ученой степени магистру 100 рублѣй кандидату, кажется, 75 руб., за то же время. Удивительно какъ могли жить люди, въ большинствѣ семейные, на эти средства, но не удивительно, если они ничего не могли удѣлять изъ своихъ

средствъ на выписку книгъ и журналовъ. А на содержаніе семинарской бібліотеки ассигновалось такъ мало, точно не помню, къ сожалѣнію, — что ничего серьезнаго и дѣянаго не было возможно въ нее выписать, о свѣтской журналистикѣ и помышлять было не возможно. Что же выписывали сюда? Обыкновенно выписывались три — четыре академическихъ журнала, да единаственная газета „Московскія Вѣдомости“. А за тѣмъ оставлялось по содержанию бібліотеки, десятка два рублей на случай выписки какихъ-либо особенно нужныхъ книгъ по усмотрѣнію-ли правленія, или по рекомендаціи начальства въ теченіе смѣтнаго года. Отмѣчу кстати уже и то, что преподавалась у насъ наука, именуемая физикой, а физическаго кабинета мы не видали: его не существовало. На свои средства, что мнѣ извѣстно достоверно, никто изъ семинарской администраціи ни чего для себя не выписывалъ *) и были удивлены нѣкоторые изъ нихъ, когда новый ректоръ арх. Іонаанъ выписалъ для себя, въ противовѣсъ вамъ, ученикамъ семинаріи, выписывавшимъ „Современникъ“ въ свою бібліотеку, Московскій журналъ „Время“, существовавшій, помнится не долго. Относительно г.г. преподавателей семинаріи я долженъ замѣтить, что каждый изъ нихъ по своимъ предметамъ несомнѣнно имѣлъ всѣ существенныя руководства и пособія, за исключеніемъ учителя физики, а изъ текущей журналистики, едвали кто выписывалъ что-нибудь. Такъ думаю я потому еще, что любознательные изъ нихъ обращались за книгами ко мнѣ, какъ къ бібліотекарю, въ ученическую семинарскую бібліотеку. Большинство же ихъ текущею литературой очевидно не интересовались. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, сказаннаго достаточно для того, чтобы видѣть, что наличная семинарская администрація была не въ силахъ авторитетно вліять ни на наши умственные занятія, ни на наше повеленіе, и мы разбрелись, какъ самовольныя дѣти. Явленіе печальное, но скажу я неизбежное

Къ „вспоминаніямъ причетническаго сына“. (Въ № 24-мъ Епарх. Вѣд. 1910 г.) Имѣя въ рукахъ письма одного изъ преподавателей Волог. семинаріи въ ПБургъ къ своему родственнику за 1850—1860 е годы, приводимъ изъ одного письма (отъ 25 августа 1857 г.) слѣдующую выписку: „Това-

*) Это невѣрно. Я знаю, что преподаватели выписывали въ складчину въ 1860 хъ годахъ и Современникъ, и Русское Слово, и Свѣточъ, и Вѣкъ и другіе журналы. Конечно оны и читали ихъ. Прям. ред.

реще мой по семинаріи Иванъ Александровичъ Снитковъ, ходячій сборникъ безчисленнаго множества анекдотовъ о лицахъ болѣею частью духовнаго званія, однажды повѣдалъ намъ слѣдующіе стихи: воспѣтые однимъ студентомъ СПбургской духовной академіи въ утѣшеніе своихъ товарищей, которые, передъ самымъ окончаніемъ академическаго курса, жаловались на медленность времени и на академическій супъ:

„Ну, не стыдно ли крушиться,

Ну, не стыдно ль въздыхать?

Развѣ вѣчно намъ учиться,

Развѣ вѣчно супъ хлебать?

Еще мѣсяць — будетъ Пасха.

Еще мѣсяць — экзамены.

Еще мѣсяць — и развяка.

Еще мѣсяць — finis, amen!.

Этотъ студентъ — былъ А. Бенедиктовъ (днѣи Епископъ Вятскій Елпидіфоръ)*.

Мы предпочитаемъ этотъ рассказъ И. А. Святкова, сообщеній авторомъ письма, — рассказу П. В. Ковшарова, приводимому авторомъ воспоминаній. Прим. Ред.

Изъ гор. Сольвычегодска.

Въ 1910 году въ Сольвычегодскѣ съ благословенія Епископа Велико-Устюжскаго Алексія открыто „Общество вспомоществованія учащимся въ церковныхъ школахъ г. Сольвычегодска и Сольвычегодскаго уѣзда“. Мѣстные жители отнеслись сочувственно къ нуждамъ бѣдныхъ учениковъ церковныхъ школъ и охотно вступали въ члены этого общества. Въ настоящее время почетными членами нашего общества состоятъ Никонъ, Епископъ Вологодскій и Тотемскій, Алексій, Епископъ Велико-Устюжскій, Антоній, Епископъ Вельскій и Нижегородскій губернаторъ А. Н. Хвостовъ. Дѣйствительныхъ членовъ насчитывается 34. Какъ открытое недавно, наше общество небогато. Между тѣмъ нужда въ помощи бѣднымъ учащимся ощущается большая. И общество, несмотря на свои незначительныя средства, старается по мѣрѣ возможности удовлетворить эти нужды. Такъ въ многолюдной Сольвычегодской мужской школѣ на средства общества организованы завтраки для бѣдныхъ учащихся; въ большую переѣмку между уроками ученики получаютъ чай съ хлѣбомъ.

Изыскивая средства на нужды бѣднымъ учащимся Общество пришло къ мысли устроить въ Сольвычегодскѣ духовный концертъ, пригласивъ для сего учащихся и любителей духовнаго пѣнія изъ мѣстнаго общества. Испрошено было благословеніе Его Преосвященства и 28 ноября духовный концертъ подъ управленіемъ о. діакона Н. В. Мысова состоялся въ помѣщеніи „Народнаго дома“. Въ концертѣ принимали участіе болѣе 30 человекъ. Несмотря на малочисленность жителей въ Сольвычегодскѣ и неприспособленность помѣщенія, публики было очень много. Концертъ по общему признанію вышелъ очень удачнымъ. Исполнены были слѣдующіе номера: 1 отдѣленіе. „Свѣте тихій“ Архангельскаго, „Отъ юности моя“ Старорусскаго, „Хвалите имя Господне“ Дегтярева, „Въ молитвахъ неуспяющую Богородицу“ іеромонаха Виктора—тріо, „Нивѣ отпущаеши“ Архангельскаго; 2 отдѣленіе. Вѣрую **, „Блаженъ мужъ“ Архангельскаго, „Крестъ хранитель“ тріо, „Славословіе Великое“ Вятскаго, „Народный гимнъ“ Львова. Вся программа была исполнена очень хорошо, а нѣкоторые №-ра по желанію публики были повторены. Концертъ закончился пѣніемъ гимна „Воже Царя храни“ повтореннаго по желанію публики нѣсколько разъ.

За билеты и программы выручено 71 р. 22 к., которые и переданы въ общество вспомошествованія учащимся.

Сердечное спасибо веѣмъ потрудившимся въ этомъ дѣлѣ на пользу бѣдныхъ учениковъ церковныхъ школъ и почтившимъ нашъ концертъ своимъ посѣщеніемъ.

Наблюдатель.

Геннадій Алексѣевичъ Поповъ.

Не о каждомъ умирающемъ священникѣ у насъ почему-то пишутся некрологи, еще рѣже пишутся они объ о. о. діаконахъ, а некрологовъ псаломщическихъ я и припомнить не могу. А между тѣмъ у всѣхъ насъ есть родные и знакомые, есть друзья и товарищи, которымъ было бы прочесть пріятно нѣсколько теплыхъ строчекъ объ умершемъ родственникѣ, или товарищѣ. Въ заполненіе вотъ этого то, какъ кажется мнѣ, пробѣла и желалъ-бы я сказать нѣсколько словъ о почившемъ Геннадіѣ Алексѣевичѣ. Это былъ псаломщикъ Никольскаго уѣзда Кобыльской Ильинской церкви, родившійся 24 сентября 1869 года и умершій отъ быстротечной чахотки утромъ 13 сентября 1910-го го-

да. Это былъ одинъ изъ сыновей о. протоіерея Лальскаго собора А. А. Попова, учившійся въ свое время въ Устюжскомъ д. училищѣ и Вологодской духовной семинаріи, курсъ которой окончилъ онъ въ 1896 году во второмъ разрядѣ. Въ томъ же году 3 іюля, по прошенію, онъ былъ опредѣленъ на должность псаломщика къ Черновской Николаевской ц. Никольскаго уѣзда, гдѣ и состоялъ учителемъ пѣнія въ мѣстныхъ—земскомъ мужскомъ и женскомъ ц.-приходскомъ—училищахъ до конца 1900—1901-го учебнаго года. Въ іюль 1901 года, по прошенію, былъ переведенъ также на должность псаломщика въ Лальскій Воскресенскій соборъ Устюжскаго уѣзда. Состоя здѣсь псаломщикомъ, онъ въ то же время былъ и пѣвчимъ соборнаго хора, а потомъ и регентомъ. Кромѣ того 10 окт. 1903 года утвержденъ въ должности законоучителя и учителя пѣнія въ Цѣляковской ц.-приходской школѣ, 14 февраля назначенъ и утвержденъ въ должности учителя пѣнія въ Лальскомъ Городскомъ училищѣ, а съ 30 августа 1906 года до октября 1907 года былъ еще законоучителемъ Калентьевскаго земскаго училища. Умѣвшій тольково читать, знавшій и любившій церковное пѣніе, онъ былъ однимъ изъ уважаемыхъ псаломщиковъ и оставилъ по себѣ добрую память въ соборѣ, положивъ на ноты, по образцу тропаря св. Кириллу и Меодію, тропарь преподобному Серафиму Саровскому чудотворцу. Въ свое время слышались добрые отзывы о немъ, какъ учителя пѣнія и преподавателя Закона Божія.— И понятно. Покойный былъ человекомъ мыслящимъ и многочитавшимъ. Лальскіе труды однако стали его утомлять, особенно пѣніе въ хорѣ, гдѣ басовую партію онъ выносилъ рѣшительно на своихъ плечахъ. Поэтому въ 1907 году онъ перешелъ на службу, въ качествѣ одного изъ учителей, въ Ущецкую второклассную школу. Но здѣсь прослужилъ онъ около 2¹/₂ лѣтъ и, выйдя въ отставку по прошенію, какъ человекъ холостой, сталъ подумывать о монашествѣ. Между тѣмъ его пригласили на должность псаломщика въ село Кобыльское Никольскаго уѣзда, онъ согласился и былъ опредѣленъ туда въ 1909 году. Здѣсь случилось то, о чемъ, повидимому, уже пересталъ и думать. Въ лицѣ одной учительницы встрѣтилъ человека по сердцу и полную взаимность съ ея стороны, 11-го іюня 1910 года Г. А. на ней женился и, спустя 3 мѣсяца, для всѣхъ неожиданно, умеръ отъ своротечной чахотки. Надобно замѣнить, что въ послѣдніе два года близко знавшіе покойнаго люди замѣчали, что у него

появлялись иногда приступы кашля, на который самъ онъ не обращалъ никакого вниманія, не подозревая, что то были признаки зарождающейся чахотки. При развѣздахъ около свадьбы изъ Кобыльска къ невѣстѣ въ Никольскъ и обратно, въ одну холодную, ненастную ночь онъ простудился очень, но лечиться не сталъ, а продолжалъ свое свадебное дѣло въ надеждѣ, что и на этотъ разъ, какъ многократно случалось раньше, простуда пройдетъ безъ дурныхъ послѣдствій. — И ошибся непоправимо. Въ послѣдніе полтора мѣсяца Г. А. мало-по-малу сталъ терять аппетитъ и сонъ, но продолжалъ оставаться на ногахъ. Въ минувшемъ августѣ онъ повидался со своими родителями и братьями, побывавъ у нихъ со своею женою, и только послѣднія двѣ недѣли находился уже въ постели, бывъ принятъ въ Никольскую земскую больницу, гдѣ и скончался. Погребенъ онъ на Никольскомъ градскомъ кладбищѣ, при добромъ участіи родственниковъ и градскаго духовенства. Миръ праху твоему и душѣ твоей вѣчный покой со святыми! Людямъ, близко знавшимъ покойнаго, извѣстно, что онъ не пошелъ въ свое время во священники не потому, чтобы не любилъ священнаго сана, а потому, что слишкомъ строго относился къ избранію невѣсты и не женился такъ долго. Въ послѣдніе годы думалъ уже о монашествѣ, а въ послѣдніе мѣсяцы уже и о священствѣ, но не то судилъ ему Богъ, пославшій ему кончину христіанскую. Страшно похутившій и бывшій въ полномъ сознаніи до послѣднихъ минутъ своей жизни Г. А...чь былъ, по желанію его, исповѣданъ, приобщенъ и осoboванъ. — И угасла эта жизнь челоуѣка 41 года, тихо и мирно, какъ догорѣвшая свѣча... Царство небесное скромному служителю храмовъ Божіихъ и школы русской, народнои, православной!

П. П.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Отъ Правленія Ярославскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства.

Правленіе Ярославскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства сямъ объявляетъ, что 1) въ настоящемъ 1911 году пріемные экзамены для поступленія въ 1 классъ училища назначаются на 12 и 13 мая, и желающія держать экзамены дѣвочки должны явиться въ училище къ 9 часамъ утра 12 мая.

2) До экзамена будутъ допускаться дѣвочки, родившіяся въ 1899, 1900 и въ 1901 году до іюля. 3) Прошенія (на простѣй бумагѣ) о допущеніи въ пріемнымъ испытаніямъ должны быть поданы на имя Правленія училища до 1 мая. 4) При прошеніи должны быть приложены: а) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи изъ Духовной Консисторіи или выписка изъ метрикъ отъ причта; б) свидѣтельство изъ Духовной Консисторіи или отъ мѣстнаго благочиннаго о состоятельности лица, желающаго помѣстить дочь свою въ училище, за содержаніе ея ежегодно установленную плату и в) точный почтовый адресъ. 5) Прежде пріемныхъ испытаній всѣ желающія поступить въ училище дѣвочки будутъ подвергнуты тщательному медицинскому осмотру со стороны училищныхъ врачей, и тѣ, у которыхъ окажутся какія-либо болѣзни, мѣшающія обучаться въ училищѣ или находиться въ общежитіи, не будутъ допущены до пріемныхъ испытаній. 6) Пріемныя испытанія будутъ производиться въ полномъ объемѣ курса одноклассныхъ ц.-приходскихъ школъ. При этомъ будетъ обращено вниманіе не столько на знаніе дѣвочками того или другаго учебника, сколько на общее ихъ развитіе и толковость. 7) Годовая плата за содержаніе и обученіе (со включеніемъ учебниковъ и учебныхъ пособій) 130 руб. должна обязательно вноситься или сразу—при началѣ учебнаго года—въ августѣ мѣсяцѣ, или въ два срока—половина въ августѣ и другая въ декабрѣ того же года. 8) Сверхъ обязательныхъ предметовъ, въ училищѣ преподаются необязательные: а) французскій языкъ, начиная съ 1 кл., безъ особой доплаты; французскому языку обучаются всѣ дѣвочки и освобождаются отъ занятія имъ только слабыя и то по усмотрѣнію Правленія; б) нѣмецкій языкъ по желанію—начиная со 2 или 3 класса, за особую плату—отъ 4 до 6 руб. въ годъ, въ зависимости отъ количества обучавшихся въ классѣ воспитанницъ; в) музыка, по желанію, за особую дополнительную плату 25 руб. въ годъ; плата за обученіе музыкѣ можетъ быть внесена въ два раза, но обязательно до начала каждаго полугодія.

Открыта подписка на 1911 годъ. Изданія годъ 4-й.

Ежемесячнаго музыкально-литературнаго журнала

„Гусельки Яровчаты“

съ иллюстраціями и цѣнными приложеніями. Подписная цѣна въ годъ съ доставкой 2 руб. Разрѣзка не допускается. Адресъ